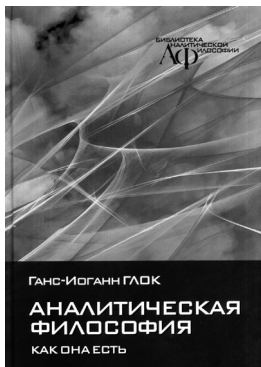

Аналитическая философия: удалось ли наконец ее определить?

Ганс-Иоганн Глок. Аналитическая философия как она есть / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+, 2023.

Владимир Шохин

Институт философии РАН, Москва, Россия,
vladshokhin@yandex.ru.

Ключевые слова: метафилософия;
аналитическая философия;
философская практика; пропонент;
оппонент; концептуальный анализ;
схоластицизм; наукообразие;
постмодернизм; диалог.

В то время как аналитическая философия остается основным форматом академического философствования в Великобритании и США, завоевывая позиции на европейском континенте и в третьем мире, ее осмысление как культурного феномена значительно отстает от масштабов ее распространения даже на уровне идентификации. В статье рассматривается решение этой проблемы Гансом-Иоганном Глоком — одним из самых именитых историков аналитической философии, задающих параметры дискуссии по этому предмету в современной метафилософии. Демонстрируя, как Глок одну за другой дезавуирует принятые идентификации аналитической философии (начиная с географической и завершая идеологической) и предлагает свою — через «семейные сходства» и «семейные связи», автор критикует ее как совокупно консенсусную и методологически противоречивую.

Предлагается альтернативное, авторское понимание феномена ана-

литической философии как очень традиционной исследовательско-контровертивной практики, которая является отнюдь не революционной (какой ее хотели бы видеть ее нерассудительные апологеты, упорно позиционирующие ее как современную философскую школу, берущую начало от Бертрана Рассела, Джорджа Эдварда Мура и Людвиг Витгенштейна, иногда и Готлоба Фреге), но типологически неотличимой от многовековой и интеркультурной схоластической. Это определение не несет ни тени пейоративности, но позволяет понять, что в истории обсуждаемой практики деятельность названных фигур видится хотя и веховой, но никаким образом не основоположной. В статье уделяется внимание и тем последствиям, которые несет с собой апроприация аналитической философии на отечественном книжном рынке одним из издательств, привлекающим одних и тех же переводчиков.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Канон+» без преувеличения монополизировало в настоящее время переводы аналитических философов, заняв прочную нишу на отечественном книжном рынке в серии «Библиотека аналитической философии», в которой выпущено уже полсотни книг, и сам по себе этот факт (отвлекаясь от частных деталей, о которых ниже) представляется весьма положительным, поскольку в большинстве случаев те издательства, которые выпускают философскую литературу, знакомят отечественного читателя с любыми другими зарубежными направлениями, кроме той, которая по многим показателям сейчас является магистральной. Книга же Ганса-Иоганна Глока представляет не тех, кто делает эту философию, а тех, кто ее осмысляет, и метафилософский опыт этого жанра представлен нашему читателю впервые. Далее я поделюсь с читателем некоторыми сведениями о теме книги и ее авторе, затем — его опытом понимания и решения его герменевтической задачи, а в завершение остановлюсь на тех проблемах, с которыми столкнулся автор, и теми, которые были созданы его переводчиком и издателем.

Задача Ганса-Иоганна Глока

По принятому, стандартному мнению (оно удобно для разметки территории современной философии), аналитическая философия (далее — АФ) существует с начала XX века, но всерьез задумываться над ее серьезной идентификацией стали сравнительно недавно, преимущественно с 1990-х годов (Томас Болдуин, Майкл Даммит, Дагфинн Фёллесдаль, Питер Хакер, Рэй Монк, Майкл Бини, Скотт Сомс, Аарон Престон, тот же Глок и еще несколько исследователей)¹. Почему этого не стали делать раньше,

1. Среди весьма немногочисленных книг по теме, вышедших до этого времени, стоит выделить монографию Джонатана Коэна «Диалог разума», см.: *Cohen J. L. The Dialogue of Reason: An Analysis of Analytic Philosophy. Oxford, UK: Clarendon Press, 1986.*

приблизительно понятно: АФ строила себя преимущественно по лекалам конкретных наук, а для физика и химика, например, совсем не обязательно исследовать, что такое физика и химия, так как они занимаются конкретными предметами, тогда как немецкая философия (буду и дальше делать все от себя зависящее, чтобы избежать абсурдного прилагательного «континентальная», по крайней мере без кавычек), значительно менее «сциентичная», всегда имела досуг для авторефлексии, саморассмотрения в зеркале собственного дискурса. Потому должны были произойти некоторые «философские события», чтобы аналитический господин журден начал думать над тем, какой он говорит «прозой». Я думаю, что среди них и глобальное распространение того, что называется АФ, по всему, а не только по англофонному миру вследствие ее академического авторитета²; и хорошо известный логический закон, по которому объем понятия (а это — расширяющаяся галактика) обратно пропорционален его содержательности; и как закономерная реакция на это — голоса скептиков, сомневающих в наличии у нее осязаемого предмета; и, наконец, влияние «германского духа» на саму АФ, поскольку, несмотря на противостояние двух философских миров, границы между ними совсем не на замке. Сам Глок (р. 1960) — преподающий в Швейцарии немецкий философ, один из самых заметных метатеоретиков АФ, весьма неплохо знающий и родную традицию, — хороший тому пример.

2. Что касается основного места филиации АФ, то нельзя не вспомнить характеристику Джона Сёрла, датированную 2003 годом, согласно которой «на всех философских факультетах США — без исключения — доминирует АФ, и все лидирующие философы в США, за исключением единиц, могут быть отнесены к аналитическим философам. Те, кто практикуют философствование не в аналитической традиции — в феноменологии, классическом прагматизме, экзистенциализме или марксизме, — испытывают необходимость определяться по отношению к АФ» (*Searl J. Contemporary Philosophy in the United States // The Blackwell Companion to Philosophy / N. Bunnin, E. P. Tsui-James (eds). Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2003. P. 1*). Правда, Глок предоставляет аргументы в пользу того, что картина сложнее, отмечая даже появление программного сборника статей «Американская континентальная философия» в 2000 году, но не скрывая и того, что «Общество аналитической философии» Германии с 2005 года насчитывает 800 членов (*Глок Г.-И. Аналитическая философия как она есть / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+, 2023. С. 122, 124; в дальнейшем при всех ссылках на это издание номера страниц без дальнейшей отсылки будут помещаться в основном тексте*).

До издания обсуждаемой книги он выпустил «Словарь Витгенштейна»³, составил авторитетный сборник статей «Восхождение аналитической философии»⁴, монографию «Куайн и Дэвидсон о языке, мысли и реальности»⁵ и издал ряд статей, посвященных отдельным аналитическим философам (одна из них была даже посвящена такому интересному вопросу, как был ли Витгенштейн вообще аналитическим философом, и закономерно опубликована в журнале под названием «Метафилософия»⁶). В настоящее время Глок преподает и работает в странах Бенилюкса; после обсуждаемой книги он составил и издал сборник статей «Витгенштейн и аналитическая философия»⁷, а одна из последних его работ посвящена пониманию строгости рассуждения (*rigour*) у Готлоба Фреге, Бертрана Рассела, Джорджа Эдварда Мура, Людвига Витгенштейна и Рудольфа Карнапа⁸.

Разоблачения привычных идентификаций

Перед тем как оценивать результаты его идентификации АФ, я с самого начала хочу избавить Глока от упрека в нескромности, который наводит на него «творческая мысль» его переводчика (о нем не удастся не поговорить и подробнее). Дело в том, что в оригинале Глок только вопрошает (вполне в немецком духе), что такое АФ (*What Is Analytic Philosophy?*), и предлагает свое, как предстоит убедиться, вполне компромиссное решение, отнюдь не забывая гвоздь со шляпкой, тогда как в заглавии русской версии, созданной Валерием Целищевым, ему приписывается окончательное решение поставленного им вопроса («Аналитическая философия как она есть») с более чем вольным превращением второй части этого названия в подзаголовок (с двоеточием, вопреки всякому синтаксису — это уже «грамотность» издательства, о которой также ниже).

3. См.: *Glock H.-J. A Wittgenstein Dictionary*. Oxford, UK: Blackwell, 1996.
4. См.: *Idem. The Rise of Analytic Philosophy*. Oxford, UK: Blackwell, 1997.
5. См.: *Idem. Quine and Davidson on Language, Thought and Reality*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003.
6. См.: *Idem. Was Wittgenstein an Analytic Philosopher?* // *Metaphilosophy*. 2008. Vol. 35. № 4.
7. См.: *Wittgenstein and Analytic Philosophy: Essays for P.M.S. Hacker / H.-J. Glock, J. Hyman (eds)*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2009.
8. См.: *Glock H.-J. The Quest for Rigour in Early Analytic Philosophy* // *Rivista di Filosofia*. 2023. Vol. 114. № 3.

Но метод решения поставленного им вопроса — вполне аналитический. Это логический метод остатков, когда при демонстрации несостоятельности идентификаций объекта через *A, B, C, D, E* предлагается принять идентификацию *F*. В некоторых случаях Глок ссылается на тех, кто предлагает эти некорректные идентификации, в некоторых подает их просто как распространенные представления, но в одном, притом очень важном, пункте он с ними совпадает. АФ и у него начинается с идей и публикаций отчасти и Бернарда Больцано, но уже совершенно точно Фреге, Рассела, Мура и Витгенштейна, задавших пуск этому философскому механизму реформой арифметики, критикой идеализма и лингвистическим поворотом в философии (гл. 1). Способ же нейтрализации неправильных идентификаций АФ состоит в том, чтобы показать, что при *A, B, C, D, E* всегда останутся такие однозначно признаваемые первостепенными аналитическими философами мыслители (пусть даже и один), с которыми эти идентификаторы не работают.

Но прежде всего Глок дезавуирует то, что он называет геолингвистической идентификацией, — через противопоставление англо-американской АФ философии континентальной (гл. 2). Эту кеглю он сбивает без особого труда. С одной стороны, континентальная философия весьма популярна и в США. С другой — само это понятие весьма проблематично, и не только по причине центральноевропейских корней самой АФ (ср. Витгенштейн) и даже ее ствола (Венская школа), но и ввиду весьма значительной собственной ее дифференцированности. Ведь разница между авангардной философией, вдохновленной Фридрихом Ницше и Мартином Хайдеггером, и «традиционной» или «традиционалистской» философией на европейском континенте очень значительна. Автор книги однозначно прав: то, что понимается под «континентальной философией», действительно унифицирует совершенно различные философские традиции (подобно тому, как не менее распространенная «восточная философия» сливает воедино совершенно дискретные индийскую, китайскую и арабо-мусульманскую традицию). Но можно сказать и больше: деление мировой философии на АФ и «континентальную философию» не менее абсурдно, чем дихотомия математики и солончаковой степи, так как АФ как большому философскому стилю может быть противопоставлена философия романтическая, риторическая, постмодернистская и т. п., а «континентальной» как понятию географическому — разве что философия «островная», «полуостровная», «океаническая» и т. д.

Однако Глок, того не подозревая, и сам активно работает с совершенно диффузными метафилософскими категориями, неустанно употребляя понятие «традиционалистская» и «традиционная» философия, да еще и как синонимы (с. 32, 128, 129, 171, 176, 257 сл.). Как его можно понять, ее представляют такие философы, которым не по вкусу отрицание метафизики и лингвистический поворот, только он никак не раскрывает, кто же они конкретно⁹. Это не последняя его проблема с «континентальной философией»: он различает в ней такие отдельные программы, как феминизм (Люс Иригарей, Юлия Кристева), постмодернизм и постструктурализм (с. 130), не задаваясь вопросом о том, не могут ли первая и третья оказаться, скорее, разновидностями второй¹⁰.

Чище, чем геокультурная, Глоком сбита вторая мишень — в виде идентификации АФ в качестве антиисторической (гл. 4). Автор убедительно показывает, что радикальное отрицание проблематики исторической философии (прежде всего метафизики), то есть «историофобия», было характерно только на одном из этапов истории АФ (Венский кружок; с. 134), но отнюдь не перекрывает эту историю, и что самое большее, что можно сказать о ее антиисторизме — это что к истории философии она относится инструментально, как к ресурсам для решения актуальных проблем (с. 156), а не как к замещению собственного дискурса. Это вполне справедливо, так как не только Готфрид Вильгельм Лейбниц, Дэвид Юм и Иммануил Кант являются живыми собеседниками аналитических философов, но и Платон с Аристотелем. Но можно было бы отметить даже, что как раз современная «континентальная философия» — прежде всего в лице постмодернистской — разрывает с прошлым философии порой куда значительнее, настаивая, например, на том, что метафизика была давно уже похоронена Ницше, а то и на том, что историю фи-

9. Не хочу делать за него эту работу, додумывая, кого он все-таки имеет в виду (неотомистов, гегельянцев, кантианцев и т. д.). В одном месте он, правда, проговаривается: оказывается, под традиционной философией он понимает философию «вплоть до Канта», а под традиционалистской — ту, «которая состоит в исследовании традиционной философии» (с. 128). Если это принимать всерьез, то получится, что для автора одним из направлений философии является и просто изучение истории философии, что для метафилософа (да еще и немецкого) немного странно.

10. Это могло бы немного напоминать такую классификацию, при которой графы и князя перечислялись бы наряду с аристократами.

лософии следует переписать как слишком мужскую (на чем настаивают феминистки).

Большее значение Глок придает несостоятельности отождествления АФ с определенными «философскими догматами» и даже мировоззрениями (гл. 5). «Крестовый поход против метафизики», предпринятый Венским кружком и санкционированный Витгенштейном, никак не может быть универсализированным для АФ, если вспомнить о том, что Мур и Рассел в определенной степени поддерживали метафизические доктрины (при всем своем отвержении абсолютного идеализма Фрэнсиса Герберта Брэдли), о дескриптивной метафизике Питера Стросона или о прямом утверждении Хилари Патнэма о том, что антиметафизическая болезнь юности АФ преодолена ее самоутверждением как самым прометафизическим движением на мировой философской сцене (с. 176). Анахронизмом следует считать и представление о том, что центр тяжести АФ лежит в лингвистическом повороте: обращении к структуре предложений как изоморфной структуре мысли и в устранении из поля философского анализа экстралингвистической реальности, как на том настаивает Даммит (это опровергается решительным обращением к языку и Хайдеггеру; с. 191).

Предрассудком является, по мнению Глока, и распространенное мнение, будто АФ цементируется осознанием себя как продолжения науки. Если многие высказывания Рассела, Отто Нейрата и более всего Уилларда Куайна, дух современного натуралистического поворота, а также попытки редуцировать различия между априорными и апостериорными утверждениями этот тезис поддерживают, то уже раннее высказывание Морица Шлика о том, что философии как царице наук совсем не обязательно быть одной из них, ему противоречит (с. 197). Реабилитация различия двух названных типов утверждений у Карнапа и Гилберта Райла, да и многие цветовые оттенки в гамме того же натурализма не позволяют считать сциентизм всеохватной идеологией АФ. Еще труднее принять идентификацию АФ, исходя из ее тематического единства. Глок цитирует тех авторов, которые акцентируют, что если на ее заре АФ действительно занималась преимущественно проблемами научного и естественного языка, то сейчас нет такой области философии — от философии исчисления до философии сексуальности (с заездом в экофизиологию), — которая ускользнула бы от внимания аналитических философов («для любой значимой области человеческой мысли x существует не только философия x , но и аналитиче-

ская философия х»; с. 214). Правда, некоторые из этих «значимых областей человеческой мысли» автор замалчивает (может быть, о них просто не зная, а может, и сознательно), например философию религии и философскую теологию, в которых работает множество представителей АФ, в том числе и самого первого ряда (видимо, для него как «убежденного натуралиста» они совсем не значимы¹¹), но в целом он, конечно, совершенно прав. Можно только добавить, что этот тематический плюрализм был свойствен тому, что можно было бы назвать АФ, на самом деле и гораздо раньше, но просто тем, кто строил и строит ее имидж, хотелось и хочется считать, что у ее «отцов-основателей» его еще не было.

Наконец, Глок вступает в дискуссию с самым, кажется, сильным абстрактным оппонентом, согласно которому специфика АФ заключается не в доктринах и темах, но в партикулярном методе и стиле (гл. 6). Прежде всего он показывает, что идентифицировать АФ через совершенно естественное здесь понятие анализа нельзя. Почему? Потому что

... в то время как более весомые и более конкретные понятия анализа [такие как декомпозиционный анализ — сведение более сложных понятий к исходным, — программа логического атомизма Мура, логическое перефразирование как «прояснение» у Стросона, «конструирование», как у Карнапа и Куайна, менявшиеся концепции у Витгенштейна. — В. III.] больше не охватывают весь спектр АФ, менее требовательные и более широкие концепции слишком неразборчивы. Поэтому анализ не может быть использован для определения АФ (с. 230).

Но более всего для Глока, кажется, неприемлема та мысль, что идентификации АФ через анализ (прежде всего в его базовом выражении — декомпозиционном) без труда позволяли бы включить в репертуар АФ сократовскую «охоту за опреде-

11. Отсюда неудивительно, что такие корифеи, как Алвин Плантинга и Ричард Суинберн, упоминаются в книге только мельком и то не в связи с их профильными философско-теологическими штудиями; выдающийся католический философ Аласдер Макинтайр выдается (по недостаточной компетентности автора) просто за ницшеанца; фактическая основательница аретической этики, католичка Элизабет Энском также совсем не в ключе Глока, а такие первостепенные философы религии, как Уильям Уэйнрайт, Уильям Крейг или Николас Уолтерсторф, самые видные представители реформатской эпистемологии, не упоминаются вовсе.

лениями», декартовский поиск «простых натур», кантовский трансцендентальный анализ наших познавательных способностей (с. 222).

Идентифицировать АФ нельзя не только через сайентистский дух (см. выше), но и через пошаговое философствование, которое означает стратегию философствования как движения от одних частных проблем к другим (по образу науки), которое было уверенно рекомендовано Расселом и «подтверждено» недавно Сомсом, так как Куайн был системостроителем в духе Рене Декарта, Канта или Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (с. 237, 239); как нельзя считать различительной чертой краткость и недостаток в сносках в статьях аналитических философов — через контраст с многословием их «континентальных» коллег. Развеивает Глок и миф о том, что ясность и прозрачность в изложении мыслей отличает АФ от большинства «континентальной», для которой характерен риторический стиль, «высокие фальшивые речи» (по выражению Алфреда Джулса Айера) и двусмысленности. Опять-таки он, с одной стороны, считает, что писать ясно — не привилегия только аналитических философов (чему подтверждения — у Платона, Декарта, Юма, Шопенгауэра, раннего Гуссерля и Сартра), с другой — вопрос о самой ясности только считанное число раз обсуждался в самой АФ (с. 249–250).

Не хочется Глоку считать различительным признаком АФ и саму рациональность — требование, чтобы каждое утверждение гарантировалось обоснованием, системой аргументации (на чем настаивает, среди многих прочих, такой ее историк, как Фёллесдал). Он выставляет на свои боевые позиции и раннего Витгенштейна, который обмолвился, что аргументы могут испортить красоту его утверждений (за что, правда, получил саркастический совет Рассела нанять раба, чтобы он за него аргументировал), и бывшего члена Венского кружка Фридриха Вайсмана, который называл доказательства и опровержения «умирающими словами в философии» (с. 254)¹². Еще более сильным аргументом против аргументативной природы АФ служат у Глока (как и в предыдущих случаях) доминирование традиционных типов аргументации (дедуктивной, индуктивной, абдуктивной и т. д.) и в предыдущей истории философии. Он приво-

12. Правда, он, не смутясь, после этой цитаты отмечает, что Вайсман продолжал «пространно доказывать» малую полезность дедуктивных доказательств в философии (там же).

дит мнение Хакера о том, что большая часть философии и была аналитической. Но, допуская даже, что и в «ревизионистских» определениях АФ нет ничего плохого¹³, Глок оговаривается, что, в отличие от «традиционной философии», пионеры как АФ, так и «континентальной» настаивали на своем новаторстве и разрыве с прошлым. Он ссылается на Витгенштейна, который рассматривал свой новый метод как такой излом в развитии человеческой мысли, который можно сопоставить разве что с галилеевской революцией в науке, и этим революционаризмом, отграничением себя от предыдущей кабинетной, академической философии отметились высказывания также Мура и Куайна (с. 256–257).

В следующем разделе (гл. 7), который по не совсем прозрачным причинам следует за предыдущим, Глок без труда развенчивает еще один стереотип — представление о равнодушии АФ к этике и политике. Так, он убедительно показывает (хотя в этом нет ничего нового), что скепсис очень многих именитых аналитических философов 1950-х годов по отношению к этической проблематике (Райл, Остин, Стросон и другие) отнюдь не перекрывает всю панораму, так как хорошо известно, какое значение исследование этических категорий (начиная с блага) занимало в работе Мура, что Нейрат проявлял к ней интерес и что в настоящее время прикладная этика (экоэтика и биоэтика) активно разрабатывается аналитическими философами (такими как Питер Сингер). Дезавуирует Глок и такие слухи, как то, что АФ аполитична и консервативна (как считают одни) и, наоборот, прогрессивна и либеральна. Проблема с ними та же, что и со всеми прочими идентификациями: то, что голоса части аналитических философов выдаются за весь ее хор.

Попытка ответа на вызов Арона Престона

Таким образом, существующие идентификации АФ не работают. И все же Глоку очень не хочется с соглашаться с Престоном, что АФ — просто конвенциональное понятие, почетное именование, а то и просто фикция (вроде ведьмы) (с. 218)¹⁴. Престон, соглас-

13. Подразумеваются такие ее понимания, что по самой своей «субстанции» аналитический философский дискурс восходит к значительно более раннему времени, чем начало XX века.

14. Престон обосновывает свою трактовку АФ как философской иллюзии на том основании, что «группа может считаться философской в наиболее специальном, первичном и “фокусном” смысле, если и только если

но Глоку, прав в том, что АФ не конституируется доктринальной солидарностью тех, кто считаются ее представителями, но при этом сам же (неубедительно) попытался показать, что и методологическо-стилистические идентификаторы очень плохо работают. Так что же для нее тогда остается? Этому и посвящена итоговая глава 8 «Спорные концепции, семейное сходство и традиции». Применение к АФ критериев типа семейных сходств оправдывается тем, что ни по одной из разобранных в книге демаркационных идентификаций АФ не проходит и в то же время все они в том или ином ее сегменте присутствуют. Потому Глок и предлагает немудреную табличку, где по горизонтали записаны Фреге, Рассел, Венский кружок, Куайн и Оксфордская школа, по вертикали: «лингвистический поворот», «отказ от метафизики», «философия как наука» и другие маркеры; и напротив каждого имени можно поставить знак (х), просто х, (≠) и просто (≠) (с. 315). Таким образом, АФ — та, в которой есть всего понемногу, но не эксклюзивно. Помеха (*the trouble*) только в том, что по горизонтали в эту табличку может быть вписано и множество других имен, включая Лейбница (близость к логическому конструированию) и даже Аристотеля (близость к концептуальному анализу).

Мы также вынуждены включить Канта, британских эмпиристов, континентальных рационалистов, много из схоластической философии и множество (*a whole raft*) античных мыслителей¹⁵.

В последней позиции Глок почти солидарен с Хакером.

Но его такое положение дел никак не устраивает, и потому он хочет уравновесить «всеоткрытость» АФ критериями ком-

критерием принадлежности к ней является принятие определенного рода взглядов на основании рационального обоснования», тогда как «принятый взгляд» на нее как на школу «был просто личиной, которая позволила некоторого рода нефилософской группе доминировать в различных географических регионах, выдавая себя за философскую школу» (*Preston A. The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy // The Bertrand Russell Society Quarterly. 2005. № 127. P. 21, 27*). Подробному развитию этого тезиса посвящена и его небольшая разоблачительная монография, в которой показывается, что «принятый взгляд» на АФ как на школу, конституируемую «лингвистическим поворотом» в философии, и противоречит ранней истории этой «школы», и дезавуируется ее современным состоянием (*Idem. Analytic Philosophy: the History of an Illusion. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2007*).

15. *Glock H.-J. What Is Analytic Philosophy? Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 219.*

муникативности, по-другому, «узами влияния». Тут речь идет уже не о семейных сходствах, а семейном родстве, считая которое Глок входит в очень живой диалог с другими историками АФ. Больше всего, оказывается, всех возбудил вопрос о месте Фреге в родословной АФ. Даммит в одном месте трактует его как истинного ее отца, а в другом как дедушку, и одновременно связывает с ним тот лингвистический поворот, который и есть уже она сама, но это не мешает ему вновь считать Фреге его дедом (а Больцано прадедом), тогда как честь быть отцом этого движения должна быть признана за ранним Витгенштейном. Хакер идет в «скромности с Фреге» еще дальше, называя его лишь одним из предшественников АФ наряду с Иеремией Бентамом (непостижимо, почему тогда он не называет в их числе Генри Сиджвика, Джона Стюарта Милля, Томаса Рида и многих-многих других). Самого Глока Больцано устраивает именно в роли прадедушки (наряду с Бентамом), но Фреге у него является «одним из пионеров» АФ, оказавшим непосредственное влияние на других (с. 324–325). А на итоговой диаграмме Глок стрелочками показывает траектории влияний и, что особенно для него важно, взаимовлияний, в которые более всего вовлечены Рассел, Мур, Витгенштейн, Венский кружок и «кембриджский анализ» наряду с «боковыми ветвями» (с. 328). Размышлениям о будущем АФ, перспективах ее взаимоотношений с «континентальной», ее достоинствах и недостатках посвящен весьма расширенный эпилог книги Глока (гл. 9), но мы его можем и опустить, поскольку на вопрос книги («Что такое АФ?») ответ уже дан.

Проблема с предлагаемым решением

Для российского читателя, воспитанного на крайне упрощенном понимании АФ в советской историографии, книга Глока несомненно могла бы быть полезной, поскольку она демонстрирует многополярность как мира АФ, так и его видений и оценок в современной литературе. И в самом деле, если спросить почти любого, даже и философа, специально не занимавшегося АФ, с чем она у него ассоциируется в первую очередь, то он без запинки ответит, что с отвержением метафизики (которая на деле есть колоссальная область ее штудий), представлением, что философия есть лишь продолжение науки, и уверенностью в том, что единственное достойное занятие философа — исследование научного и обычного языка. Книга же Глока предостав-

ляет хорошую подборку цитат из книг историков АФ, к которым нужно обращаться (в оригинале, конечно) за многообразием в ее презентациях.

Но у Глока есть и другая, никак не меньшая бессознательная заслуга: из всего вышеизложенного следует, что он вполне был бы готов принять «ревизионистскую» версию истории АФ (на мой взгляд, безальтернативную¹⁶), о чем, как мы убедились, он прямо и пишет (см. выше), если бы не догма о том, что она начинается как школа с начала XX века, — догма, которая составляет первый член «символа веры» ее ортодоксальных историков¹⁷. В самом деле, предлагаемые им семейные сходства в АФ противоречат выписываемым им же семейным связям. Ведь если ее сущность конституирует определенная *исследовательская практика* (независимо от того, согласны ли ее звезды в определении самого анализа), заключающаяся прежде всего в методах аргументирования определенных пропозиций и работе с определенными понятиями (а это неуверенно признает и Глок, да и не может не признавать, хотя Даммит здесь мыслит четче), то инфантильные споры о том, кто из ближайших предшественников Рассела, Мура и Витгенштейна был их «отцом», «дедушкой» и дальше по мужской линии, представляются совершенно аберрационными.

Основная проблема Глока как историка философии состоит в том, что он, противопоставляя АФ как революцию тому, что он смутно называет традиционной философией, сам признает, что ее сущностные характеристики являются совершенно традиционными. «Прапрапрадедушками» аналитических философов XX века были не Больцано с Бентамом, а уже платоновский Сократ, старшие софисты и даже элеаты, тогда как классиче-

16. Обоснованию ее безальтернативности посвящена вся статья (Шохин В. К. Что же все-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // Вопросы философии. 2013. № 11). Там же я ссылаюсь на близкие позиции Козна и Фёллесдаля, к которым сейчас я бы присоединил и Хакера. Согласно первому из названных, АФ следует считать «одной из линий во всеобщей истории западной философии от Сократа до далее скорее, чем одним из современных движений» (Cohen J. L. Op. cit. P. 49).

17. В этом можно убедиться и из более чем тысячестраничного тома по истории АФ, изданного сравнительно недавно в Оксфорде уже после книги Глока. См.: The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy / M. Beany (ed.). Oxford, UK: Oxford University Press, 2013. P. 22 (со ссылками на разногласия относительно того, включать ли Фреге в основатели наряду с Расселом, Муром и Витгенштейном).

ские схоласты и послетридентские были уже прямыми предшественниками не только их, но и прочих *современных* аналитических философов, особенно с учетом той стилистической особенности их практики, что она реализуется в режиме *константной полемики* с эмпирическими и умозрительными оппонентами, которая обуславливается не их конфликтным характером, а тем, что и они, как авторы средневековых «сумм», убеждены в том, что любое положение *X* можно считать состоявшимся только при элиминации его альтернатив. Это и есть метод диалектики — в античном, не гегелевском смысле, — который составляет саму ткань схоластического дискурса, притом отнюдь не только в Европе, но и далеко за ее пределами¹⁸. Для этого требуется вера в значимость общезначимой рациональной аргументации — та самая, что «снимается» в той «континентальной философии», будь то современная немецкая или (еще больше) французская, которая есть философия не решения конкретных проблем, а философия посвящения в тот или иной квазиэриетический язык. Приводить рациональные аргументы в споре с Хайдеггером или Жилем Делёзом абсолютно бессмысленно, так как их можно либо принимать, либо не принимать без остатка подобно тому, как для древнего грека было бы совершенно абсурдно полемизировать с Пифией. В контексте этой практики концептуального анализа и контровертивной диалектики то, что принимается по консенсусу за школу АФ, можно рассматривать скорее как яркий, но только частный эпизод на фоне многовекового формата философствования (даже если отвлечься от того, идентифицировали ли сами себя ее назначенные «отцы-основатели» в качестве аналитиче-

18. Так, основной жанр индийской философской литературы — классический комментарий — сам строился по полемическому принципу: в диалоге проponentов (*uttarapakṣa*) с оппонентами (*pūrvapakṣa*), эмпирическими и воображаемыми; одно из немногочисленных определений самой философии в индийской традиции даже идентифицирует ее как диалог проponentов и оппонентов (*Раджашекхара*. Кавья-миманса I.2). Другая дефиниция характеризует ее как последовательность четырех аналитических процедур: номинации определяемых объектов (*uddeśa*), их классификации (*vibhāga*), самого определения (*lakṣaṇa*) и его верификации (*parīkṣā*). (*Ватсъяяна*. Ньяя-бхашья I. 1.2–3). Основное значение сказанного в том, что индийские философы не только осуществляли аналитическую практику, но и мыслили в качестве таковой саму философию. Значительно подробнее об этом см. в моей статье: *Shokhin V. Descriptions of Ānvikṣiki in the Texts of Classical India and the Nature of Analytic Philosophy // Studia Humana. 2023. Vol. 12. № 3.*

ских философов¹⁹). Только при таком подходе можно дать симметричный ответ, который оказался неспособен сформулировать Глок: АФ является «ведьмой» не в большей степени, чем феноменология, герменевтика, постструктурализм и другие направления «континентальной философии», так как она конституируется, как и они, не доктринами, а определенной практикой, но только другой и имеющей значительно более длинную родовую словную в сравнении с ними²⁰.

Поэтому, исходя из вышесказанного, если кому-то хочется считать АФ все-таки школой, то это можно сделать, исходя из этимологии понятия *схоластики*, и считать ее (вопреки предрассудкам со стороны «научного атеизма») современной версией схоластической философии плюс широкое использование языка математической логики, а схоластику — АФ высокого и позднего Средневековья минус этот язык (помня, однако, о программе, например, Раймонда Луллия по формализации всех знаний). Можно было бы назвать ее и философским *неоклассицизмом*, если бы не противоречащие этому оценочные коннотации последнего слова, которым противоречит тематическая всеядность (за счет применения аналитических методов к философии-совершенно-чего-угодно) и частое малооправданное наукообразие

19. Очень основательная документация того, что первые прецеденты функционирования термина «АФ» восходят лишь к 1930-м годам, а его начальное реальное распространение — к 1950-м годам, представлена в недавней фундаментальной статье с подзаголовком «Когда и как люди начали называть себя аналитическими философами?» (*Frost-Arnold G. The Rise of "Analytic Philosophy": When and How People Begin Calling Themselves "Analytic Philosophers"? // Innovations in the History of Analytic Philosophy / S. Lapoint, C. Pincock (eds). L.: Palgrave MacMillan, 2017*).

20. В полном соответствии, отмечу, с афоризмом «Логико-философского трактата» (1918) 4.112, согласно которому «целью философии является логическое прояснение понятий. Философия — отнюдь не учение, но деятельность» (*Philosophie ist keine Lehre, sondern eine Tätigkeit*), философия стремится к логическому прояснению мыслей. Философия не корпус доктрин, а практика (*Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. Logisch-philosophische Abhandlung. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1969. S. 41*). Предшественником Витгенштейна в определении философии как практики прояснения понятий был немецкий философ Иоганн Герbart (1776–1841). Но мы видели, что философия как практика понималась еще и за полтора тысячелетия до Гербарта (см. прим. 13). Потому Престон со своим «доктриноцентризмом», будучи совершенно прав в критике многих историков АФ, состоит в противоречии не только с ними, но и со значительными слоями интеркультурной философской авторефлексии.

(ради поддерживаемой грантами моды), при котором математические уравнения и многочленные силлогизмы, а также изыски вроде модальной онтологии применяются нередко к обоснованию и самых тривиальных утверждений, часто оставляя весьма содержательные вопросы без содержательного решения. Хотя результатом и здесь, как и в «континентальной постметафизике», в таких случаях оказывается вытеснение мысли языковыми играми (пусть и совершенно другого типа), ядро аналитического типа философствования остается пока еще все-таки более аутентичным вследствие того, что здесь ставятся конкретные проблемы, а потому имеет место все-таки, по выражению Фридриха Якоби, вязание чулка (пусть иногда и с использованием совершенно избыточной технологии типа искусственного интеллекта), а не вязание вязания²¹.

Проблема с переводчиком

При всех вопросах к Глоку он, однако, не заслужил такого переводчика, который заставил заговорить его на очень плохом русском, мало считаясь и с английским оригиналом его книги. О том,

21. Для иллюстрации того, какие проблемы могут ставиться в некоторых очень престижных трендах «континентальной философии», приведу только один из самых «интеллигибельных» пассажей в «Письме и различии» Жака Деррида: «Умерла ли философия вчера, вместе с Гегелем или Марксом, Ницше или Хайдеггером — и, должно быть, все еще бредет к смыслу своей смерти, — или же она всегда жила, сознавая, что находится при смерти, как то негласно и признается в тени, отбрасываемой самим провозгласившим *philosophia perennis* заявлением; умерла ли она однажды, в ходе истории или же всегда жила агонией, насильственно историю открывала, отвоевывая саму свою возможность у не-философии, своей противоположной основы, своего прошлого или своего дела, своей смерти и своего средства; нет ли — по ту сторону этой смерти или смертности философии, а может быть, даже и благодаря им — у мысли грядущего, или даже, как говорят сегодня, не грядет ли она вся целиком за тем, что сохранилось пока в философии; еще страннее, нет ли у грядущего тем самым грядущего — вот вопросы, которые неподвластны ответу. По своему происхождению — и по меньшей мере единожды — эти проблемы поставлены перед философией как проблемы, решить которые она не может» (Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000. С. 99–100). Разумеется, эти многочисленные слова не столько выражают смысл, сколько его имитируют, но автор прав: философия не может решать такие «проблемы», которые «решаются» только риторически.

как проблематическое название его книги превратилось в аподиктическое, я уже писал в самом начале. Однако названием дело не ограничивается. Многие пассажи «русского Глока» приводят читателя в недоумение, а многие и в прямой ступор, и сразу. Так, уже во введении он узнает, что «даже если аналитическому предприятию суждено завершиться, то этот *процесс* должен быть менее *предвзятым*» (с. 9; здесь и далее курсив мой. — В. Ш.). Не надо даже заглядывать в оригинал, чтобы отметить, что процессы, в отличие от мнений, «предвзятыми» быть никак не могут, им это просто не дано. А вот при трансляции мысли Глока о том, почему освоение АФ во Франции было более заторможенным, чем в немецкоязычных странах, заглянуть в оригинал стоит. «Русский Глок» утверждает такой абсурд, что «здесь *доминировало* наследие Бергсона, *преждевременная смерть* таких фигур, как Нико, Жордан и Эрбран...» (с. 122). Но преждевременная смерть может только чему-то помешать, но никак не доминировать, и у Глока в оригинале такого, естественно, нет, а только перечисляются факторы, в числе которых названа и кончина указанных философов²². Новый удар по читателю раздается и с той страницы, где оказывается, что

... *проблемные историки* задают такие вопросы, как: Почему люди занимались определенными проблемами? Почему они использовали определенные методы для их решения...²³

Здесь вина автора безусловно есть, так как он действительно использовал такие более чем «проблемные» словосочетания, как *problematic history* и *problematic historians*²⁴, но ведь переводчик не должен работать автоматом, и потому в данном случае вполне мог бы донести до своего соотечественника ту нехитрую мысль, что речь идет не о плохих историках, а о таких, которые изучают историю проблем.

В том, что, по переводчику, английский язык и русский различаются главным образом только написаниями слов, убеждает тот пассаж (посвященный герменевтике), согласно которому

... Куайн запрещает приписывание только тех *вер*, которые являются очевидной эмпирической ложью или явными логическими

22. Glock H.-J. What Is Analytic Philosophy? P. 82.

23. Ibid. P. 154.

24. Ibid. P. 105.

противоречиями. Дэвидсон, напротив, иногда применяет *благотворительность*, «нарушая границы», ко всем типам *вер* и призывает нас «максимизировать согласие» с интерпретируемым (с. 161–162).

Тут в двух предложениях как раз две проблемы (не очень, правда, интересные для историков проблем — см. только что выше). Дело в том, что в оригинале дважды употребляется распространеннейший термин *belief*, который в данном контексте означает не веру, а убеждение, и, самое главное, в современном русском языке есть такая досадная особенность, что не от всякого существительного образуется множественное число, и вот слово *вера* (в отличие от *верования*, которое переводчику подошло бы больше) относится, как назло, к их числу. Что же касается слова *charity*, то если бы переводчик перелагал художественный текст вроде, например, диккенсовских романов, то он бы, несомненно, мог стоять за «благотворительность», но вот то, чем пользуются Глок и Дэвидсон²⁵, есть чисто философский термин, означающий совсем другое: «принцип доверия», готовность принимать рациональность чужих убеждений. Гипотеза, что переводчик пользуется услугами автоперевода и его не редактирует, окончательно укрепляется при введении им и новой философской дисциплины — *философии ума* (с. 181, 183, 185). Читатель совсем неосведомленный вполне может исходя из этого заподозрить, что в АФ разрабатывается и другая философия — глупости. А более компетентный поймет, что на самом деле подразумевается очень значительный философский раздел — философия сознания (*philosophy of mind*²⁶), а его самого держат за не очень умного. Аналогично уже в другом, новейшем своем переводе переводчик трактует *intentional objects* как «намеренные объекты» (*sic!*)²⁷, а это значит, что для него философские категории (как термины, а не комбинации букв) из словарных значений не выделяются.

По-моему, автоперевод, которому был подвергнут Глок, окончательно освободился от хилого контроля и в двух других блестящих пассажах:

25. Ibid. P. 110.

26. Ibid. P. 124 ff.

27. См.: Жаккетт Д. Алексиус Майнонг, Пастырь Не-бытия / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+, 2023. С. 5, 7, 9 слл.

Например, этические вопросы об окружающей среде и биоэтика эволюционировали из прикладной этики, *преследуемой в аналитическом ключе* (с. 263).

И

...у последующих поколений вполне могут быть основания осуждать нашу неспособность быть более радикальными *в преследовании* насущных экологических *причин*, таких, как изменение климата (с. 282).

В первом случае через «преследовать» передается прямо противоположное по смыслу понятие «следовать за», во втором — *in the pursuit of pressing environmental causes*²⁸, то есть то, что в настоящее время аналитические философы взялись за насущное дело экологии, тогда как омонимичные «делу» «причины» никак нельзя преследовать, равно как и быть преследуемым ими. Но эта «мания преследования» не оставляет переводчика и далее,

... потому что для философии несомненно выгодно и даже необходимо, чтобы она *преследовалась в рациональной манере*, с помощью аргументов, основанных на логике и концептуальных различиях (с. 297).

В оригинале, как говорится, золотые слова, так как там стоит ...*it should be pursued in a rational fashion*²⁹, так как философия, которой *занимаются* не в рациональной манере, — это уже не совсем философия. Но только словарные значения английских (и не только) глаголов бывают многообразны, и следует выбирать из их репертуара те, которые больше подходят по смыслу предложений, а не первые, что выскакивают на пользователя.

В одном случае, однако, переводчик выставляет автора в плохом свете уже не в плотной застройке его текста, но прямо в подзаголовке. Речь идет о 8.2, который звучит как «Аналитическая философия как концепция семейного сходства» (с. 306). В оригинале же стоит, вполне обоснованно, не *conception*, а *family resemblance concept*³⁰. Ведь Глок хотел сказать, что АФ — это один

28. Glock H.-J. What Is Analytic Philosophy? P. 195.

29. Ibid. P. 206.

30. Ibid. P. 212.

из экземпляров общего рода понятий, которые устанавливаются через концепцию семейных сходств, а вовсе не то, что она и есть таковая концепция, ибо между концептом (=понятием) и концепцией (=доктриной) имеется большое различие как между разными формами человеческой мысли³¹.

Проблема с издательством

Переводчик, однако, несет далеко не самый большой груз ответственности за свой продукт. В большей мере — издательство, которое позволяет ему со скоростью звука штамповать переводы, а тут, конечно, неизбежен диалектический конфликт между количеством и качеством.

Тут и заключается основная проблема с издательством, которой для него самого не существует. Она в том, что оно ни за что ни перед кем не отвечает. Прежде всего перед автором и тем издательством, в котором вышел оригинал его книги. В самом деле, на обороте титула обозначено, что книга Глока вышла в университете Цюриха, а вовсе не в издательстве Кембриджского университета. Почему в Цюрихе? Скорее всего потому, что автор и там преподает. Не указан и год выхода книги — потому что само указание на издательство фейковое. А это значит, что и за перевод книги, вышедшей в «нигде» и в «никогда», никто ответственности нести не будет (что, как мы видели, и происходит).

Но еще в меньшей степени издательство отвечает перед читателем. В самом деле, как объяснить иначе такую фразу, как «Теперь выясняется, что нам не нужно проецировать большую часть наших убеждений в интерпретируемых» (с. 165)? Или (еще лучше) «Даммитовский анализ мысли не исследует преимущественно материальные объекты, о которых и существует большинство наших мыслей...» (с. 187)? Понятно, что за этим снова стоит очень кривой перевод, но ведь в выходных данных указы-

31. Заслуживает внимания, что переводчик проявляет смелость в пользовании не только английским, но и некоторыми другими языками. Ограничусь лишь одним занимательным примером. Глок цитирует Карла Маркса по-французски (не ссылаясь, отмечу, на источник) в его изречении: *En tout cas, moi, je ne suis pas marxiste...* (Ibid. P. 4), а у переводчика это транслируется как «Если это марксизм, то я не марксист» (с. 13), но смысл в том, что он не марксист «в любом случае», а не с приписываемой ему оговоркой.

вается и «ответственный за выпуск» (он же директор издательства), и «корректор». Или как читателю воспринимать и такую «пропозицию», как «Таким образом, Фреге является полноправным членом аналитического клуба, который, как ни странно, был обрезан до периода 1920–1950 годов» (с. 326)? Нелепость снова происходит от переводчика, так как в оригинале говорится не о том, что над аналитическим клубом был произведен религиозный обряд обрезания, а о том, что к Фреге относились, «как ни удивительно, пренебрежительно (*was curiously snubbed*)» до указанного отрезка времени³². Однако если указаны ответственный за выпуск и корректор, то они должны позаботиться немного и о том, чтобы переводимый автор не выглядел идиотом.

Но они могли бы помочь и переводчику не попадать в просяк. Например, помочь ему не путать вводные слова, такие, например, как «так» и «таким образом» в начале предложения (с. 278). Могли бы поправить его, когда он передает фамилию *Young* как Юнг (с. 262). С англо-американскими фамилиями у него известные проблемы, но будет ли хорошо, если читатель решит, что метафилософией занимался основатель аналитической психологии или старинный немецкий теософ Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг? Плохо обстоит дело и с переписыванием иностранных слов. Так, на одной странице хайдеггеровское «Ничто ничтошествует» воспроизводится как *The Nothin' noth* (*f* «замещает» *g*, а третье лицо единственного числа остается без необходимого для него суффикса). «Философия жизни» трактуется как *Lebenphilosophie* (без *s* после первого члена этого сложного слова), а «чувство жизни» как *Lebengefuhr* (вновь без соединительной согласной *s* и без умляута) (с. 172). При этом я почти полностью абстрагируюсь от многочисленных опечаток, которые должны были бы лежать на совести корректора, если бы он в реальности был представлен чем-то большим, чем только именем³³.

32. *Glock H.-J. What Is Analytic Philosophy?* P. 226.

33. Отмечу только тот чувствительный удар по автору, в результате которого «континентальный модус философствования стал невероятно популярен в Северной Америке», оказывается, с 1060-х годов, то есть сразу, как туда приплыли норманны, и на той же страничке испанцы оказались «импанцами» (с. 123). Стилистические проблемы в тексте слишком многочисленны, чтобы их перечислять. Ограничусь только одним из многого, заметив, что философский анализ, в отличие от амбулаторного, никак не допуска-

Qu'est-ce que'il faut faire?

На этот очень популярный российский вопрос о том, что надо делать, я бы дал ответ краткий, но дифференцированный. Если бы я решил адресоваться автору книги, я бы посоветовал ему смелее идти за выводами из его посылок и меньше оглядываться на принятые общественные мнения, которые, как правило, ведут по ложному пути. Я бы напомнил ему слова Джавахарлала Неру о том, что индийские философы никогда не боялись идти за своей мыслью до конца, или слова Энтони Флю, авторитетнейшего атеиста, который под конец жизни стал теистом, о том, что он так изменил свою ориентацию потому, что стремился следовать за истиной, куда бы она его ни привела. Отметил бы я и то, что российский кантианец Иван Лапшин даже написал в свое время специальную и хорошую статью «О трусости в мышлении», описательно определив этот феномен³⁴.

Переводчику я бы убедительно посоветовал взять хотя бы небольшой тайм-аут, памятуя о том, что скорость и качество переводов так же трудно успешно совмещать, как наблюдать скорость и траекторию частицы одновременно. Издательству я бы настоятельно посоветовал осуществлять ротацию своих переводчиков, но также обзавестись компетентными (и реальными) редакторами и корректорами, которые уважительно относились бы к философии. А вот читателю, который интересуется аналитической философией, я бы порекомендовал, приобретая ту или иную новую книгу из этой области, перво-наперво посмотреть, кто является переводчиком, указывается ли реальное издательство, выпустившее оригинал, и, вначале приобретя pdf оригинала, подумать, не лучше ли самому воспользоваться услугами искусственного интеллекта, и только после этого поинтересоваться работой живого переводчика, который черпает из того же источника. У него

ет в русском языке (в отличие от английского, а выше было предположено, что эти языки немножко разные) употребления во множественном числе (с. 81).

34. «Мы сплошь и рядом боимся логически развивать нашу мысль до конца, предчувствуя, что конечные выводы посягнут на что-нибудь очень ценное для нас» (Лапшин И. И. О трусости в мышлении (этюда по психологии метафизического мышления) // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 5 (55). С. 819–820). Это «очень ценное» для Глока (и далеко не только для него) представляет миф о «революционной школе аналитической философии», основанной Расселом, Муром и некоторыми другими.

вполне могут оказаться и свои удачные решения с передачей оригинала, но основной путь к этому оригиналу читатель должен пройти сам, разумеется, с интернет-ресурсами. Тогда он сможет убедиться в том, что намеренных объектов не бывает, а принцип доверия не есть еще благотворительность, узнав и многое другое к своей вящей пользе.

Библиография

- Глок Г.-И. Аналитическая философия как она есть / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+, 2023.
- Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000.
- Жаккетт Д. Алексиус Майнонг, Пастырь Не-бытия / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+, 2023.
- Лапшин И. И. О трусости в мышлении (этюд по психологии метафизического мышления) // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 5 (55). С. 817–881.
- Шохин В. К. Что же все-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 137–148.
- Cohen J. L. The Dialogue of Reason: An Analysis of Analytic Philosophy. Oxford, UK: Clarendon Press, 1986.
- Frost-Arnold G. The Rise of “Analytic Philosophy”: When and How People Begin Calling Themselves “Analytic Philosophers”? // Innovations in the History of Analytic Philosophy / S. Lapoint, C. Pincock (eds). L.: Palgrave MacMillan, 2017. P. 27–67.
- Glock H.-J. A Wittgenstein Dictionary. Oxford, UK: Blackwell, 1996.
- Glock H.-J. Quine and Davidson on Language, Thought and Reality. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003.
- Glock H.-J. The Quest for Rigour in Early Analytic Philosophy // Rivista di Filosofia. 2023. Vol. 114. № 3. P. 589–614.
- Glock H.-J. The Rise of Analytic Philosophy. Oxford, UK: Blackwell, 1997.
- Glock H.-J. Was Wittgenstein an Analytic Philosopher? // Metaphilosophy. 2008. Vol. 35. № 4. P. 419–444.
- Glock H.-J. What Is Analytic Philosophy? Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2008.
- Preston A. Analytic Philosophy: the History of an Illusion. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2007.
- Preston A. The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy // The Bertrand Russell Society Quarterly. 2005. № 127. P. 11–30.
- Searl J. Contemporary Philosophy in the United States // The Blackwell Companion to Philosophy / N. Bunnin, E. P. Tsui-James (eds). Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2003. P. 1–22.
- Shokhin V. Descriptions of Ānvikṣiki in the Texts of Classical India and the Nature of Analytic Philosophy // Studia Humana. 2023. Vol. 12. № 3. P. 24–31.

- The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy / M. Beany (ed.). Oxford, UK: Oxford University Press, 2013.
- Wittgenstein and Analytic Philosophy: Essays for P. M. S. Hacker / H.-J. Glock, J. Hyman (eds). Oxford, UK: Oxford University Press, 2009.
- Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. Logisch-philosophische Abhandlung. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1969.

VLADIMIR SHOKHIN. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia, vladshokhin@yandex.ru.

Keywords: metaphilosophy, analytic philosophy, philosophical practice, proponent, opponent, conceptual analysis, scholasticism, sciolism, postmodernism, dialogue

While analytical philosophy remains the main format of academic philosophizing in Great Britain and the USA, winning ground on the European continent and in the Third World countries, its comprehension as a cultural phenomenon falls far behind the scale of its spread even at the level of identification. The article examines solution to this problem suggested by Hans-Johann Glock — one of the most eminent historians of analytic philosophy, who sets the parameters for discussing the subject within the framework of contemporary metaphilosophy. The author highlights Glock's step-type repudiation of accepted identifications of analytic philosophy (from the geographical to ideological ones) and his offer of his own, i.e. via "family resemblances" and "family ties" within it, and criticizes it as both consensual and contradictory from the methodological point of view.

In return, the author of the article offers an alternative interpretation of the same phenomenon as a very traditional investigative-cum-controversial practice, very distant from being "revolutionary," i.e. contrary to the non-rational belief of its numerous apologists stubbornly marketing it as a modern philosophical school dating from Bertrand Russell, George Edward Moore, and Ludwig Wittgenstein (sometimes also from Gottlob Frege). The practice under discussion cannot be typologically separated from the centuries-old intercultural scholasticism (the term being used by the author without any pejorative accent) in whose history the activity of the aforementioned persons can be seen as truly seminal but by no means ground-breaking. Attention is paid also to such effects which are conditioned by appropriation analytic philosophy by one of the Russian publishers working unalterably with the same translators.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-297-320

References

- Cohen J. L. *The Dialogue of Reason: An Analysis of Analytic Philosophy*, Oxford, UK, Clarendon Press, 1986.
- Derrida J. *Pis'mo i razlichie* [L'écriture et la différence], St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000.
- Frost-Arnold G. The Rise of "Analytic Philosophy": When and How People Begin Calling Themselves "Analytic Philosophers"? *Innovations in the History of Analytic Philosophy* (eds. S. Lapoint, C. Pincock), London, Palgrave MacMillan, 2017, pp. 27–67.
- Glock H.-J. *A Wittgenstein Dictionary*, Oxford, UK, Blackwell, 1996.
- Glock H.-J. *Analiticheskaja filosofija kak ona est'* [What Is Analytic Philosophy], Moscow, Canon+, 2023.
- Glock H.-J. *Quine and Davidson on Language, Thought and Reality*, Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2003.
- Glock H.-J. The Quest for Rigour in Early Analytic Philosophy. *Rivista di Filosofia*, 2023, vol. 114, no. 3, pp. 589–614.
- Glock H.-J. *The Rise of Analytic Philosophy*, Oxford, UK, Blackwell, 1997.
- Glock H.-J. Was Wittgenstein an Analytic Philosopher? *Metaphilosophy*, 2008, vol. 35, no. 4, pp. 419–444.

- Glock H.-J. *What Is Analytic Philosophy?* Cambridge, UK, New York, Cambridge University Press, 2008.
- Jacquette D. *Aleksius Mainong, Pastyr' Ne-bytiia* [Alexius Meinong, The Shepherd of Non-Being], Moscow, Canon+, 2023.
- Lapshin I. O trusosti v myshlenii (etiud po psikhologii metafizicheskogo myshleniia) [On Cowardice in Thinking (A Study on the Psychology of Metaphysical Thinking)]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of Philosophy and Psychology], bk. 5 (55), pp. 817–881.
- Preston A. *Analytic Philosophy: the History of an Illusion*, London, New York, Bloomsbury Academic, 2007.
- Preston A. The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy. *The Bertrand Russell Society Quarterly*, 2005, no. 127, pp. 11–30.
- Searl J. Contemporary Philosophy in the United States. *The Blackwell Companion to Philosophy* (eds. N. Bunnin, E. P. Tsui-James), Malden, MA, Oxford, UK, Blackwell Publishers, 2003, pp. 1–22.
- Shokhin V. Chto zhe vse-taki takoe analiticheskaiia filosofiiia? V zashchitu i ukreplenie “revizionizma” [What Exactly Is Analytic Philosophy? In Defense and Strengthening of a “Revisionism”]. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 11, pp. 137–148.
- Shokhin V. Descriptions of Ānvikṣikī in the Texts of Classical India and the Nature of Analytic Philosophy. *Studia Humana*, 2023, vol. 12, no. 3, pp. 24–31.
- The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy* (ed. M. Beany), Oxford, UK, Oxford University Press, 2013.
- Wittgenstein and Analytic Philosophy: Essays for P. M. S. Hacker* (eds. H.-J. Glock, J. Hyman), Oxford, UK, Oxford University Press, 2009.
- Wittgenstein L. *Tractatus logico-philosophicus. Logisch-philosophische Abhandlung*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1969.